

низма взаимосвязи объективно и субъективно представляемой методологии научного познания мира.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — Правда, 1981, 24 февр. 4. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. — Правда, 1981, 5 марта. 5. Багатурия Г. А. Первое великое открытие Маркса. — В кн.: Маркс — историк. — М.: Наука, 1968, с. 107—173. 6. Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.—222 с. 7. Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 7. — М.-Л., 1934. 8. Лапин Н. И. Молодой Маркс. — М.: Политиздат, 1976.—415 с. 9. Мосолов В. Г. Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории. — В кн.: Маркс — историк. — М.: Наука, 1968, с. 85—106. 10. Нерсисянц В. С. Гегелевская философия права. — М.: Наука, 1974.—288 с. 11. Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. — М.: Мысль, 1974.—576 с.

Поступила в редколлегию 12.03.81.

В. В. БУКРЕЕВ, В. В. ШКОДА, канд. филос. наук

МНИМЫЙ ИСТОРИЗМ «ИСТОРИЧЕСКОЙ» ШКОЛЫ (К КРИТИКЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ В «ФИЛОСОФИИ НАУКИ»)

В докладе Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС отмечалось, что в последние годы заметно обострилась идеологическая борьба. То, что «наши классовые противники учатся на своих поражениях», действуют все более изощренно [1, с. 9] следует, на наш взгляд, понимать не только в контексте текущих политических событий. Изощренность проявляется, например, и в том, что в решении специальных философских проблем противопоставление марксистскому подходу явно идеалистических и метафизических концепций уступает место провозглашению единства понимания — единства, разумеется, мнимого. Не следует, конечно, упрощать дело, представлять его так, будто рассмотрение специальных философских вопросов в рамках немарксистских концепций всякий раз преследует сознательное искажение истины. Но нельзя и считать совершенно независимыми явления в сфере специальных философских исследований от конкретных условий идеологического противоборства. В конечном итоге коллизии идеологической борьбы находят свое проявление в самых узких сферах общественнознания в виде вполне определенных тенденций.

Фраза из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: мы знаем только одну-единственную науку, науку истории — при всей ее внешней парадоксальности может служить точной характеристикой своеобразия научно-познавательного процесса в XX в. Действительно, историзм стал неотъемлемой чертой современного научного мышления. Не случайно поэтому появле-

ние в рамках «философии науки» нового направления — «исторической школы». После десятилетий господства на Западе неопозитивистских моделей науки мысль о том, что понять научное познание — значит понять его как исторический процесс, взаимосвязанный с разнообразными социальными явлениями, — эта мысль, по выражению С. Тульмина, «начинает казаться все менее странной» [4, с. 172]. Мысль эта несовместима с логическим позитивизмом. Основная проблема неопозитивизма — анализ ставшего знания: выделяются уровни знания, обсуждается возможность редукции теоретических терминов к терминам наблюдения, вводятся критерии принятия осмысленных высказываний (верифицируемость, фальсифицируемость) и т. п. Все это — статика. Наука предстает при таком описании как архив.

В настоящей статье мы рассмотрим вопрос, на сколько апелляция к историзму представителями «исторической школы» позволяет им преодолеть ограниченность позитивистской модели науки? В действительности ли реализован «исторической школой» принцип историзма? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно зафиксировать основную особенность позитивизма, указать на существеннейшую его черту, выделяющую его как направление буржуазной философии. Эта особенность в том, что естественно-научное мышление рассматривается в качестве идеала мышления вообще. За формами мышления, не удовлетворяющими нормам естественных наук, не признается статус форм мышления. Они объявляются либо псевдонаучными спекуляциями (так называемая «метафизика»), либо донаучными формами, т. е. не достигшими уровня научности (например, формы мышления обыденного опыта). Зафиксировав это положение, рассмотрим, как представители «исторической школы» понимают развитие научного познания.

Важную роль историзма в методологии научного познания подчеркивал К. Поппер [5]. В Предисловии к английскому изданию (1959 г.) «Логики научного открытия» после резких замечаний в адрес аналитиков языка науки, после рассуждений в духе того, что он вовсе не испытывает интереса к кодификации методов и форм научного познания, К. Поппер отмечает следующее: «Один метод, как мне кажется, все-таки достоин упоминания. Это — вариант (ныне не модного) исторического метода» [5, с. 16]. В другом месте Предисловия К. Поппер настаивает на том, что «центральной проблемой эпистемологии была и остается в настоящее время проблема роста знания» [Там же, с. 18], подчеркивая этим явное несогласие с общепринятым в рамках неопозитивизма пониманием философской проблематики. Замечания об историческом методе, о проблеме роста знания могут создать впечатление, что мы имеем дело с концепцией существенно антипозитивистской. Однако более внимательный анализ показывает, что это не так.

Выделим основные моменты методологической концепции К. Поппера, которые в ходе ее длительной эволюции в сущности не изменились. Прежде всего это мысль о том, что процесс возникновения научной идеи остается за пределами рационального истолкования. «Вопрос о том, — пишет К. Поппер, — как у человека возникает новая идея — будь то музыкальная тема, драматический конфликт или научная теория — может представлять большой интерес для эмпирической психологии, однако он не имеет отношения к логическому анализу научного познания [Там же, с. 31]. Отсюда общепринятое в «философии науки» различие на «контекст открытия» и «контекст обоснования». Считается, что логика научного познания имеет дело только с последним. Смысл другого положения К. Поппера (принцип фальсификации) ясно выражен в следующем высказывании, характеризующим понимание им эмпирического метода: «Его цель не в том, чтобы спасти жизнь всем неустойчивым теоретическим системам, а наоборот, подвергая их жестокой борьбе за существование, отобрать только одну из них — ту, которая окажется наиболее подходящей» [Там же, с. 42]. Эти положения в ранних работах К. Поппера еще не связываются концептуально с учением о биологической эволюции, но их подоплека достаточно хорошо просматривается. Мутация и естественный отбор — вот две категории генетики, которые могут быть связаны с этими положениями. В 60-х годах эта возможность реализуется. К. Поппер излагает вопросы методологии науки в терминах теории эволюции. Он прямо называет свою эпистемологию «дарвиновской теорией роста знания». Суть ее в следующем. Новая научная гипотеза столь же непредсказуема, как и мутация. Различные сосуществующие гипотезы суть мутанты. «Выживаемость» гипотезы определяется тем, на сколько она релевантна среде. Среда — это массив эмпирических данных, а также соответствующие процедуры: наблюдение и эксперимент. Следует подчеркнуть, что для К. Поппера все это более чем удобные аналогии. Как показал В. И. Метлов, решение К. Поппером основных проблем методологии научного познания находится в прямой зависимости от понимания им теории эволюции [3].

Из представителей «исторической школы» эволюционные представления при описании развития науки используют С. Тульмин и Т. Кун [4; 3]. С. Тульмин вводит специальные термины — «нововведение» и «отбор», близкие по содержанию соответствующим терминам теории эволюции — «мутация» и «естественный отбор». Развитие науки представляется С. Тульмину как процесс возникновения «концептуальных вариантов» с последующим избирательным закреплением (отбором) тех из них, которые предпочитают научным сообществом. Центральной, по мнению С. Тульмина, является проблема выяснения факторов, определяющих это предпочтение в тот или иной период времени. В отличие от К. Поппера, для которого «внешняя

среда» тождественна эмпирическому познанию и, стало быть, рост научного знания никак не связан с социальным окружением науки. С. Тульмин близок к признанию социальной обусловленности научного познания. Он считает, что значительная часть нововведений «существенно обусловлена факторами, внешними по отношению к науке» [4, с. 185]. Однако критерии отбора определяются внутренними (когнитивными) факторами. Таким образом, введением различия — нововведение и отбор — С. Тульмин пытается снять противоположность между интерналистскими и экстерналистскими трактовками историко-научного процесса.

Опираясь на дарвиновскую теорию эволюции, Т. Кун пытается решить проблему прогресса научного познания. Он отказывается признать, что прогресс познания означает приближение знания к абсолютной истине. То обстоятельство, считает Т. Кун, что современная методология науки все еще не освободилась от понятия «истина», указывает на ее телеологический характер. Такой же была додарвиновская биология, трактуемая эволюцию как целенаправленный процесс. Теорию познания, которая при рассмотрении движения знания опирается на диалектику абсолютной и относительной истины, Т. Кун называет «эволюцией телеологического типа». Он предлагает другой тип эволюции. Негативный аспект концепции Т. Куна ясен — его эволюция должна описываться таким образом, чтобы ничто из того, что может быть о ней сказано, не делало ее **направленной** к чему-либо [2, с. 223]. Позитивная сторона концепции неопределенна. Последовательные стадии процесса эволюции, утверждает он, «характеризуются всевозрастающей детализацией и более совершенным пониманием природы» [2, с. 223]. Почему же, признавая движение к более совершенному пониманию природы, Т. Кун отрицает движение к абсолютной истине? Не сражается ли он с ветряными мельницами? Не отождествляет ли признание гносеологической значимости понятия «истина» с метафизическим представлением об абсолютной истине как конечной и заранее заданной цели научно-познавательного процесса?

Уже беглый анализ эволюционных концепций в «философии науки» позволяет сделать вывод о том, что обращение к теории эволюции вызвано не поисками удобных аналогий, не стремлением иллюстрировать сложные эпистемологические построения. Теория эволюции выступает здесь методом. С ее помощью пытаются решать проблемы и... избавляться от проблем. Т. Кун считает, что она позволяет элиминировать из языка методологии науки понятие «истина» — завидно легкое решение проблемы, над которой веками трудились лучшие умы человечества! К. Попперу эволюционные представления позволяют избавиться от проблемы, вокруг которой группируются все разновидности неопозитивизма — проблемы обоснования теоретического знания. Пред-

ставив научное познание как непрерывную смену фальсифицируемых теорий, К. Поппер избавил себя от необходимости искать устойчивые, далее неразложимые единицы (элементы) знания. В его модели познания этих абсолютных единиц (чувственных данных, атомарных фактов и т. п.) просто нет.

Сделаем вывод. Появление «исторической школы» в Западной методологии науки следует рассматривать как шаг вперед. В работах представителей этой школы явственно обнаруживается стремление к выработке понятий, необходимых для описания научного познания как развивающегося социального объекта. Тенденция к овладению принципом историзма несомненна. Однако то обстоятельство, что пока еще используется не сам принцип историзма, а одна из его естественно-научных форм — теория биологической эволюции, весьма характерно. Оно указывает на сохраняющийся позитивистский характер предлагаемых моделей развития науки. Социальный процесс осмысливается в форме естественнонаучной. Основной принцип позитивизма остается, стало быть, незыблемым.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 2. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с. 3. Метлов В. И. Критический анализ эволюционного подхода к теории познания К. Поппера. — *Вопр. философии*, 1979, № 2, с. 75—85. 4. Тульмин С. Концептуальные революции в науке. — В кн.: Структура и развитие науки. — М.: Прогресс, 1978. с. 170—189. 5. Popper K. P. *The Logic of Scientific Discovery*. — New York, 1968.

Поступила в редколлегию 10.04.81.

И. А. ХРАБРОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Исторические решения, принятые XXVI съездом КПСС, ориентируют на комплексное осуществление задач экономического и социального развития страны. «В условиях зрелого социализма, — подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — все теснее становится взаимосвязь прогресса экономики с социально-политическим и духовным прогрессом общества» [2, с. 52]. Говоря о возросшем духовном богатстве нашего общества, Л. И. Брежнев отметил его огромное значение в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании советских людей, особо обратив внимание на место литературы и искусства в ценностной ориентации личности, в развитии ее интересов и потребностей, соответствующих коммунистическим идеалам [2, с. 61—62]. В этой связи создание целостной теории эстетического воспитания обретает особую

актуальность, непосредственно практическое значение, вытекающее из программной установки партии на формирование нового человека, получившей на XXVI съезде КПСС новый, более высокий уровень развития и конкретизации. Создание такой теории предполагает прежде всего решение проблем, связанных с определением сущности эстетического воспитания, средств и методов его реализации.

История эстетической мысли, как верно замечает А. С. Канарский, свидетельствует о том, что под эстетическим всегда понималось нечто такое, что воспринималось людьми как в высшей степени для них небезразличное. Это «нечто» есть общественное содержание объекта отнесения, являющего человеку его самого как цель и смысл его человеческого бытия [6, с. 20], это отношение, в котором человек выступает для самого себя как свободный от «отягощающей» его внешней необходимости и как свободный в своем самоутверждении. Эстетическое поэтому является высшим проявлением человеческой свободы в чувственно-конкретной форме, гармонией свободы человеческого духа и адекватной формы его воплощения в материальной предметности. Такая гармония достигается в акте творческой деятельности, посредством которой человек обретает свою подлинную социальную сущность.

В условиях исторической расщепленности человеческой деятельности творчество концентрируется лишь в определенных сферах и определенных формах этой деятельности, выражающих всеобщие моменты труда. Так, в условиях капиталистического производства, в котором расщепление человеческой деятельности достигает своих крайних форм, материальное производство является по преимуществу сферой репродуктивной деятельности, тогда как духовная деятельность оказывается средоточием творческого потенциала общества. Конечно, «труд-работа» тоже предполагает, что его совершает индивид, развивающий свои способности в процессе производства, но здесь он эти способности скорее «расходует» [1, т. 46, ч. 1, с. 476], чем направляет на процесс творческого распределения. Здесь «веществу природы он сам противостоит как сила природы» [1, т. 23, с. 188], и именно в таком противопоставлении нуждается капиталистическое производство. Производство же самого человека в системе материального производства в условиях капитализма является побочным продуктом этого процесса и относится к издержкам производства. Поэтому эстетическое развитие индивидов в условиях капиталистического производства весьма ограничено. Это связано со следующими причинами. Во-первых, сфера материального производства оказывается сферой рассредоточения смысла общей задачи, что исключает проявление творчества его (производства) «частичными» агентами. Эта сфера все более становится зависимой от всеобщего труда, будучи сферой репродуктивного применения

его результатов. Одностороннее потребление рабочей силы в условиях капиталистического производства предполагает и одностороннее ее воспроизводство. Во-вторых, рабочий не имеет по сути дела свободного времени, поскольку в условиях капитала рабочий располагает лишь средствами для воспроизводства своей способности к труду, поэтому время вне процесса производства есть несвободное или ограниченно свободное время, ограниченное возможностями саморазвития, самоусовершенствования индивида. В-третьих, поскольку прибавочный труд отчуждается от производителя, то все общественное богатство, созданное прибавочным трудом и на его основе, принимает отчужденную форму и является в условиях капитала средством эксплуатации. Поэтому рабочие не могут отнестись эстетически к ими же созданным вещам, поскольку последние выступают для них не как воплощение собственных сил и воли, а как воплощение принуждающей силы капитала.

Таким образом, эстетическое развитие в классово-антагонистическом обществе носит ограниченный характер. Этот вывод справедлив не только в отношении материального производства, но в определенной мере относится и к всеобщему труду, который ни в одном из классово-антагонистических типов социальности не находил адекватной возможности своего проявления, поскольку рассматривался не с точки зрения его возможностей по социализации всех членов общества, а узко утилитарно.

Иные возможности для эстетического развития индивидов представляет общество, основанное на общенародной форме собственности, которое предполагает, что все члены общества «так или иначе работают друг на друга» [1, т. 23, с. 81]. Социалистическое общество создает возможности для непосредственно общественной, межиндивидуальной формы общения, не опосредствованной товаром. При товарно-денежных отношениях люди предстают друг перед другом в форме товаров или денег (товара особого рода). Межиндивидуальные отношения представляют собой обмен деятельностью либо обмен результатами деятельности, предметами, но предметами, которые представляют людей друг другу не на уровне клана, а как конкретных, особенных индивидов.

Развитию межиндивидуальных отношений при социализме способствует вся система общественных отношений, которая создает условия для *творческой индивидуальности*. Творческая индивидуальность ни в какой формации не является редкостью, но она оставалась всегда делом самой индивидуальности. При социализме творческая индивидуальность становится делом всего общества. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии говорится: «Советское общество — это общество людей *труда*. Партия и государство прилагали и прилагают много усилий, чтобы сделать труд человека не только более

производительным, но и содержательным, интересным, *творческим*» (курсив наш. — И. Х.) [2, с. 57]. Развитие творческих индивидуальностей есть цель, а вместе с тем и средство развития коммунистических отношений, то есть подлинно общественных, при которых люди не «подставляют» вместо себя предметные формы своего абстрактного бытия, а предстают в своей конкретности.

Таким образом, коммунистическое общество есть общество межиндивидуальных связей, которые возможны лишь на основе развития творческой индивидуальности всех членов общества. Отсюда следует, что воспитание творческой индивидуальности и является задачей коммунистического воспитания во всех его формах.

Имея своей целью одно и то же — универсальную творческую индивидуальность — разные формы воспитания идут к этой цели специфическими путями. Различие в путях обусловлено прежде всего исходными позициями — сегодняшней системой разделения труда, а отсюда и спецификой воспитательных средств.

Средства эстетического воспитания весьма многообразны. Любая сфера человеческой деятельности, любой ее аспект, содержащий свободное творческое начало, эстетически воспитывает. Поэтому, говоря о средствах эстетического воспитания, неправомерно считать в качестве таковых лишь *определенные* сферы человеческой деятельности (здесь надо различать сферу деятельности и вид деятельности). Однако, как выше указывалось, в условиях разделения труда по функциональному основанию различные сферы деятельности создают различные возможности для проявления творческой индивидуальности, а значит и ее формирования. Для эстетической теории возникает потребность в постановке вопроса о необходимости и правомерности вычленения определенных сфер деятельности, которые в силу сложившихся обстоятельств конкретно-исторического характера располагают более мощными средствами эстетического воспитания, а потому более предпочтительны в этом плане. Традиционно это предпочтение отдается искусству. Действительно, роль искусства в эстетическом воспитании велика и многогранна. Искусство является специфической формой существования эстетического. В отличие от других видов деятельности, где эстетическое неразрывно связано с неэстетическим, заслоняется последним, в искусстве оно (эстетическое) подчеркивается, выдвигается на передний план, выражается в концентрированной форме. Если в других видах деятельности в условиях классово-антагонистического общества человек, его индивидуальность вытеснялись, то искусство, как отмечает В. П. Иванов, не устранило личность из стихии созданной им реальности, а напротив, «стимулирует индивидуальность освоения мира, придавая этому освоению особое качество, именуемое

художественностью» [5, с. 207]. В условиях расщепления человеческой деятельности и самого человека искусство оказалось особым социальным феноменом, сохранившим человеческую тотальность в мире художественных образов, своеобразно компенсируя человеческую раздробленность. Будучи концентрированным воплощением творческого аспекта человеческой деятельности, искусство оказалось такой формой человеческой практики, которая «совпала» с конкретно-всеобщим в своих художественных формах, то есть выразила всеобщую человеческую потенцию в конкретных формах особой предметности. Благодаря этой своей особенности искусство выполняет функции интеграции человеческого «духа», делая человека через свои формы причастным ко всей полноте общественного бытия, через актуализацию человеческого опыта отдельным индивидом посредством переживания его как своего собственного (подробнее см. 5, с. 226—227).

Роль искусства в жизни человека столь огромна, что абсолютно не нуждается в ее преувеличении. Тем не менее попытки такого рода имеют место. Так, Ю. Боров считает, что «искусство социологизирует личность, делает ее истинно человеческой и истинно общественной» [3, с. 173]. Попыткой такого же рода является мнение, согласно которому «формирование эстетического отношения человека к искусству, развитие у него способности восприятия произведения искусства, стремление проявить себя в художественном творчестве выступает стержнем эстетического воспитания» [4, с. 62].

Абсолютизация роли искусства как средства и сферы эстетического воспитания двояка. Во-первых, искусству — форме общественного сознания — приписывается атрибут материально-практической деятельности. Если искусству действительно удалось бы сделать личность истинно общественной в действительности, а не только в форме ее самочувствия, самосознания, то отпала бы необходимость в какой бы то ни было социальной революции. Абсолютизация продуктивных возможностей сознания в любой форме его проявления была подвергнута критике классиками марксизма настолько глубоко и всеобъемлюще, что, думается, вряд ли чем можно ее дополнить. Искусство не в состоянии реальным образом осуществить синтез разобщенной человеческой деятельности, цель же эстетического воспитания как раз в том, чтобы синтезировать формы человеческой деятельности реально. Во-вторых, абсолютизация роли искусства происходит по причине того, что однозначно фиксируется его роль на каком-то определенном этапе развития общественной истории, либо личности, а полученные результаты рассматриваются в качестве общезначимых для всего процесса в целом. Роль же искусства в эстетическом воспитании не всегда одинакова, что обусловлено уровнем исторического развития, фазой эстетического воспитания,

сферой производственной занятости воспитуемых, видом их профессиональной деятельности, возрастом и т. д. Если последовательно абсолютизировать роль искусства, то придем к тому, что вне искусства нет эстетического.

Интересна концепция, согласно которой основным средством эстетического воспитания является трудовая деятельность. Сторонники этой концепции (В. В. Селиванов и др.), безусловно, правы в том, что считают труд основой формирования человека, а следовательно, и всех его характеристик. Правы они и в том, что неперенным условием развития гармонической личности является свободный труд. Однако рассмотрение трудовой деятельности как абсолютного основания человеческого бытия в качестве достаточного основания эстетического воспитания в его конкретных формах не всегда продуктивно. В условиях разделения труда на труд умственный и физический, в результате чего в последнем элементы творчества сводятся до минимума, включение индивида в сферу непосредственного материального производства деэстетизирует индивида, поскольку здесь он представляет не общечеловеческую деятельность, а лишь ее физический аспект.

С ликвидацией различия между умственным и физическим трудом в той мере, в какой духовное производство, узурпировавшее творчество, становится моментом материального производства, а материальное производство по той же причине становится производством и духовного, а не только чисто материального в его физическом аспекте, эстетическое проникает в труд, происходит эстетизация труда и труд, естественно, приобретает функцию эстетического воспитания. Эти рассуждения не исключают того, что труд в сфере материального производства являлся и является постоянной предпосылкой эстетического развития, хотя не всегда, как мы заметили, являлся сферой эстетического.

Таким образом, значение труда как «действительного средства становления и развития потребности в эстетической культуре» [7, с. 96] всегда довольно определенно, что обусловлено теми же обстоятельствами, что указывались выше по отношению к искусству.

Все это позволяет, видимо, заключить, что эстетические возможности и труда как материально-практической деятельности, и искусства, а точно так же политики, науки и т. п. определяются степенью выраженности в них самостоятельного характера человеческой деятельности — подлинной основы эстетического — и степенью обеспечения включенных в их сферу индивидов реальной свободой в рамках конкретно-исторического периода.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 3. Боров Ю. Б. Искусство — важнейший фактор эстетического воздействия на личность. — В кн.: Эстетическое развитие и воспитание молодежи. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, с. 156—211. 4. Дмитриев В. Эстетическое воспитание — составная часть коммунистического воспитания. — Политическое самообразование, 1975, № 10, с. 61—65. 5. Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство. — Киев: Наук. думка, 1977. 6. Канарский А. С. Диалектика эстетического процесса. — Киев: Вища школа, 1979.—213 с. 7. Селиванов В. В. О принципах построения теории эстетического воспитания. — Проблемы этики и эстетики. Вып. 1. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, с. 92—99.

Поступила в редколлегию 14.04.81.

В. Н. КОРЕНЕВСКАЯ, канд. филос. наук,
В. М. КОЖАНЧИКОВ, канд. филос. наук

О СПЕЦИФИКЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ

XXVI съезд КПСС, анализируя вопросы подъема материального и культурного уровня жизни советского человека, формирования всесторонне развитой личности, утверждения социалистического образа жизни, демографической политики, указал на значение в их решении «семьи как важнейшей ячейки социалистического общества» [2, с. 136]. Выполняя важную функцию в трудовом, идейно-политическом и нравственном воспитании, семья является как объектом, так и субъектом нравственных отношений. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [3] указывается на необходимость укрепления семьи как одной из высших моральных ценностей социалистического общества. В то же время в каждом семейном микроколлективе воспроизводятся высоконравственные отношения.

Развитию нравственных отношений способствует природа всей социально-экономической политики Коммунистической партии и Советского государства, направленной на создание максимальных жизненных удобств каждой семье с сочетанием новых форм общения. Именно эти обстоятельства обуславливают необходимость самого пристального внимания к исследованию нравственных отношений в семье, их специфики, проявлению.

Нравственные отношения не являются замкнутой, изолированной системой. Они находятся под влиянием целого комплекса объективных условий и субъективных факторов: непосредственно окружающих семью материально-вещественных, жилищных, культурных условий; характера распределения и исполнения семейно-бытовых функций; социально-демографических параметров супругов; биологических факторов, социально-психологических моментов (характер, чувства, особенности различных психических процессов) и индивидуального

опыта (воспитание, объем и качество знаний, убеждений, ориентаций).

Понимание природы и характера семейно-брачных отношений как разновидности общественных отношений является важным методологическим принципом для их изучения, позволяет увидеть относительную самостоятельность духовной стороны семейных отношений. Специфическим проявлением относительной самостоятельности нравственных отношений в семье является их многогранность, многоплановость. Они не ограничены конкретной сферой явлений, а проникают во все аспекты семьи, где переплетаются жилищно-бытовые, психологические, эстетические интересы и потребности членов семьи. Любой аспект семейных взаимоотношений несет нравственный статус. Социологические исследования подтверждают, что ориентация супругов на материальную обеспеченность и жилищную благоустроенность стабильна, но не всегда реализуется. Временные жилищно-бытовые трудности не приводят к глубокому конфликту, если жизнедеятельны нравственные основы семьи. Однако они усугубляются при отсутствии взаимопонимания, уважения, нарушении верности и долга, систематическом пьянстве. Пути выхода из таких ситуаций заложены в повышении уровня духовной культуры человека, его гражданской сознательности и нравственной зрелости и, конечно, в создании положительного нравственно-психологического климата.

Семья с ее непосредственными, интимными отношениями — незаменимая среда для формирования взаимопонимания между супругами. В моральных связях членов семьи отсутствуют формализм, шаблон, внешний контроль, что облегчает разрешение семейных конфликтов при условии благоприятного сочетания характеров супругов. Удовлетворенность сложившимися отношениями в семье, их нравственно-психологическая отлаженность (гармоничность) возможны, если поведение каждого из супругов выражает такие потребности и в такой степени, когда линия поведения одного фактически удовлетворяет другого.

В непосредственных условиях семейного коллектива личностная индивидуальность проявляется многосторонне, полнее и ярче, чем в любом другом коллективе. Вследствие этого воздействие разнообразных функциональных сторон личности на внутренний процесс формирования нравственных отношений в семье происходит сильнее, интенсивнее, чем, например, в сфере производства. Исследования показали, что чем выше уровень социально-нравственного развития личности супругов, тем сложнее, дифференцированнее и богаче их межличностные отношения. Следовательно, воздействие на направленность морально-психологического климата в семье в современных условиях наиболее эффективно через углубление аспекта общественного содержания семейных отношений (отношений супругов как мужской и женской личностей, отношений родителей и детей).

Отношения супругов зависят от их естественных, биологических, психо-физиологических особенностей. Семья является общностью социально-биологического порядка. Половой и родительский инстинкты служат биологической основой таких социально-нравственных явлений, как половая и родительская любовь. В процессе половой любви, деторождения, ухода и воспитания детей каждый из супругов функционирует одновременно как индивидуальное и общественное существо. Биологические, психо-физиологические элементы структуры личности супругов специфическим образом воздействуют на нравственные отношения, придавая им неповторимую чувственно-эмоциональную окраску.

Как следствие этого моральные принципы и нормы семейной этики закрепляются не только в рациональной, но и эмоциональной сфере. Нормы, оценки, идеалы, понятия добра и зла, имеющие рациональное содержание, усваиваются в семье в чувственной форме расположений, переживаний, симпатий. Эмоционально-чувственная сторона нравственного самосознания супругов выражается в их эмоциональной реакции на собственное поведение и поведение других членов семьи, в испытании нравственной удовлетворенности или неудовлетворенности.

Нравственные чувства определяются комплексом общих и специфических условий семьи и индивидуально-психологическими качествами супругов. Чувства либо усиливаются, либо, напротив, исчезают, выполняя роль эмоционально-волевых мотивов поведения. Развиваясь и сохраняясь в случае поддержки со стороны другого супруга, они стабилизируют и образуют устойчивые типы реакций. Механизм взаимосвязи нравственных отношений и чувств определяет совместное выполнение ими сложных функций во взаимном поведении супругов. Чувства и эмоции супругов играют полезную роль в поисках верных моральных принципов и мотивов поведения. Интимно-эмоциональная сфера семьи представляет широкий простор для реализации нравственных отношений согласованности и сотрудничества, которые, в свою очередь, создают возможности для формирования эмоциональной культуры личности и развития ее индивидуальности.

Как любое развивающееся общественное явление, современная семья эволюционирует через внутренние противоречия. К одному из них относится расхождение между общественными нормами, регулирующими нравственную сторону семьи, и фактически нравственными отношениями. Разделяя мнение О. Г. Дробницкого о причинах расхождения моральных законов и эмпирической необходимости, мы полагаем, что эти причины могут быть конкретизированы в специфических условиях семьи [6, с. 35]. Так, принцип социального и фактического равенства женщины и мужчины реализуется в современной

семье, в том числе и в нравственной ее деятельности, несколько неполно по сравнению с общественной жизнью. Домашние перегрузки женщин, негативные ориентации мужчин на домашний труд превращаются в острую нравственно-психологическую проблему, так как создают препятствия для формирования женщин как всесторонне развитой личности и прогрессивных форм внутрисемейных отношений.

Преодоление мешанской психологии в отношениях между супругами зависит от множества факторов. Процесс переработки информации в сознании личности о моральных принципах и традициях общества, регулирующих нравственную деятельность семьи, происходит как стихийно, так и осознанно. Социально-психологическое отражение в индивидуальном сознании личности морали опосредуется через призму ближайшего семейного окружения, индивидуального опыта и личных качеств. В этом смысле нравственные отношения объективируют в себе ценности как теоретического, так и обыденного сознания. Обыденное сознание, субъективно отражая нормы семейной морали, содержит неполное, неточное знание норм, искажения и заблуждения, негативные ценности, логически определяющие аморальные поступки, противоречащие принципу должного поведения. Кроме того, в одинаковой семейной ситуации у супругов наблюдаются расхождения в понимании и толковании одних и тех же моральных принципов. В то же время социально-психологическое восприятие окружающей действительности и практикуемых норм морали выполняет активную роль в формировании нравственного самосознания личности. Расхождения, фиксируемые между моральными нормативами и сложившимися тенденциями развития нравственных отношений в семье, не носят глубокого, трудноразрешимого характера. Процесс прогрессивной эволюции семьи создает новые предпосылки для преодоления этого расхождения, эффективность которого определяется усилением культурно-идеологического и нравственного воздействия на личность [4, с. 323—324].

Общетеоретическое и социологическое исследование конкретных нравственных явлений в семье вырастает в социальную проблему, так как анализ и учет полученных данных позволит организовать процесс воспитания и формирования личности на научной основе.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1979. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 3. В ЦК КПСС и Совете Министров СССР. — Правда, 1981, 30 марта. 4. Опыт и актуальные проблемы идеологической работы. Активная жизненная позиция борцов за коммунизм. — М.: Политиздат, 1979. 5. Архангельский Л. М. Курс лекций по марксистско-ленинской этике. — М.: Высшая школа, 1974. — 318 с. 6. Дробницкий О. Г. Природа морального сознания. — Вopr. философии, 1968, № 2, с. 34—38.

Поступила в редколлегию 22.03.81.

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ «КАЧЕСТВА ЖИЗНИ»

Последние годы развития философско-социологической мысли на Западе характеризовались своеобразным «бумом» публикаций по проблемам «качества жизни» и заметным ростом научных разработок по вопросам социальной ответственности. Одним из основных источников появления в буржуазной литературе проблем образа, уровня и качества жизни является кризис западной технократически-потребительской цивилизации, кризис «технократического» сознания, крах принятой капиталистическими государствами концепции общественно-экономического развития. Понятие «качество жизни» появилось в работах западных социологов в контексте размышлений над «обновлением» и «реформой» капитализма, а также над прогнозированием его дальнейшего развития. Не затрагивая самих основ и принципов общества, многие буржуазные теоретики стремятся лишь к изменению *модели* образа жизни, видя в этом универсальный рецепт оздоровления капиталистической экономики и общества в целом. При этом упускается из виду, что качество жизни является показателем основных характеристик социальной системы — ее целей, принципов, механизмов функционирования, реальных возможностей, которые содержатся в ней для отдельных личностей и социальных групп.

Представляется целесообразным в начале проследить генетическую связь между концепцией качества жизни и теми столь популярными еще вчера теориями, которые она призвана заменить. Такой подход позволит также понять и причины резкого повышения интереса буржуазных исследователей к проблеме социальной ответственности.

Западные теоретики в ходе очередной перестройки концептуального аппарата буржуазного обществоведения вводят в конце 60-х — начале 70-х годов новое понятие «качество жизни», отражающее, по их мнению, скачок в развитии общества потребления, которое, якобы достигнув определенной степени материального обеспечения своих граждан, перешло от проблем потребления к решению принципиально новых проблем более высокого социального уровня. Реальная жизнь в условиях буржуазного общества лишает радужной обложки одну за другой «великие идеи», которые еще не так давно поднимались на щит пропаганды волонтерами от капитализма.

Несостоятельной оказалась и теория потребительского общества, которая была похоронена суровой действительностью, перечеркнувшей все разглагольствования теоретиков «высокого массового потребления», «всеобщего изобилия и благоденствия».

Прямым свидетельством этому может служить конкретно-социологический материал, просачивающийся на страницы буржуазной прессы. Так, согласно оценки Хэнри Фэали, «в начале 1970 г. бюро статистики труда США подсчитало, что необходимо получать почти 11 тыс. дол. в год на семью из четырех человек, чтобы она могла вести такой образ жизни, который был охарактеризован этим бюро как «скромный уровень жизни». В то же время средний доход неквалифицированного рабочего составлял только 6866 дол. в год, полуквалифицированного рабочего — 7915 дол. в год и высококвалифицированного — всего 9627 дол. в год [6, с. 216]. Большинство американских семей, как отмечает Фэали, таким образом, зарабатывали менее 9 тыс. долларов в год [Там же].

Бедность стала образом жизни 35—40 млн. американцев. Как показывают материалы по социологии бедности, это равносильно тому, что быть черным, что, в свою очередь, ставит и тех и других людей за черту нормальной жизни. «Если у вас нет работы, то у вас нет и денег, в таком случае вы не можете вести такой образ жизни, который вы должны были бы вести, в таком случае вы не американец» [7, с. 77], — такова характерная черта бедности в Америке, отмечает Роберт Глинер, автор книги «Американское общество как социальная проблема». Роберт Глинер пишет, что служба социального обеспечения и средние зажиточные слои американского общества рассматривают бедных как социальных паразитов, формирует у них чувство собственной неполноценности. Что касается ответственности по отношению к этим несчастным людям, то она сводится к следующему: «Не путайтесь под ногами, поскольку у нас есть гораздо более серьезные проблемы и более важные дела... Мы оставим вас в покое, если вы не будете беспокоить нас» [7, с. 84].

Но связи и отношения, возникающие вследствие общественного разделения труда и распределения, создают объективные условия взаимной зависимости людей, определяют качество их жизни, уровень их социальной ответственности. Частная собственность исключает возможность равномерного распределения материального и духовного богатства общества среди всех его членов, а разделение ответственности выступает прямым следствием разделения труда. Товарно-денежные отношения составляют сердцевину теории потребительского общества, возводятся в абсолют.

Автор книги «Потрясенное общество» Ж. Роче с тревогой отмечает: «Мы полагали, что мы можем купить наш образ жизни за деньги, забывая при этом, что далеко не все продается» [8, с. 78]; «мы тонем в вещах, мы хороним себя под кучейхлама»; «не желая этого, мы теряем из виду то, что дает нашей жизни цель и направление. Вскоре мы достигнем точки, когда будем заставлять наших детей отдавать свою жизнь за нечто,

называемое американским образом жизни, которое на практике оказывается повелением умереть за более высокий стандарт жизни» [8, с. 12].

В существующей бедности буржуазные идеологи склонны винить самих бедных людей, замалчивая социально-экономические корни нищеты. «С детства многим американцам под-сознательно прививается установка на успех со стороны родителей и учителей, которые, часто не сознавая этого, выступают реализаторами основ американской идеологии», — пишет Лоренс Ченовет в книге «Американская мечта об успехе. Поиск самих себя в 20-м столетии». Столкнувшись с реальным состоянием дел, ученый не может не признать, что «идея о том, что бедный может стать богатым, — это миф» [9, с. 13]. «...Классовая принадлежность, наследство и связи, — делает вывод Ченовет, — значат гораздо больше, чем рекламируемая сторонниками теории успеха прилежность, бережливость, умение продать товар» [Там же].

Приведенные здесь соображения буржуазных философов и социологов убедительно показывают, что появление концепции «качества жизни» — это результат успешного разрешения всех насущных проблем буржуазного общества, а наоборот, полная неспособность разрешить их на справедливой основе, стремление избежать односторонности и недостатков теории потребительства. Развенчание еще недавно столь модных теорий, крах идеологии потребительства, все возрастающее влияние гуманных идеалов реального социализма, переоценка годами насаждаемых потребительских ценностей широкими слоями трудящихся направили внимание буржуазных идеологов на разработку концепции «качества жизни».

Показательными в этом плане являются рассуждения Энгуса Кэмпбелла, Филипа Конверса и Вильярда Роджерса в их книге «Качество американской жизни. Восприятие, оценки и удовлетворенность» [10]. «В 1932 году Герберт Гувер выступал в избирательной кампании на пост президента с предвыборным обещанием: «Машина в каждом гараже и цыпленок в каждом горшке». Как наивно выглядит это заявление в качестве национальной цели в 1970 г. и насколько неподходящ этот лозунг ныне для любого претендента на пост президента! Страна, которая известна и критикуется за свою приверженность к материальным ценностям, сейчас задает себе вопрос: действительно ли хорошая жизнь может быть измерена через посредство товаров потребления и те, кто сейчас определяют национальные цели, все в большей степени говорят о качестве жизни, а не о больших материальных приобретениях» [10, с. 1]. «Качество жизни приняло новые параметры и национальная обеспокоенность во все возрастающей степени смещается с акцента на потребностях людей, живущих в плохих жилищных

условиях, плохо одетых, плохо питающихся, на потребности всех людей в равенстве, участии, уважении, требовании внимательного отношения к себе. Революция растущих ожиданий — это не просто желание иметь больший дом или вторую машину, а все возрастающее требование в реализации потребностей, которые являются преимущественно не материальными, а потребностями «души», потребность в более удовлетворительном человеческом опыте» [10, с. 2].

Касаясь проблем социальной ответственности в условиях буржуазного общества, Ж. Роше отмечает, что, вытравливая в людях чувство социальной ответственности, буржуазия приводит к тому, что «наша готовность отбрасывать традиционные нормы и стандарты поведения подточила личную ответственность и чувство личной индивидуальности до такой степени, что даже такое неконформистское течение, как хиппи, может стать беспомощно конформистским. Общество, которое отрицает индивидуальные ценности, не должно удивляться, когда оно производит бездушных людей. Люди, которые больше не ответственны за свое личное существование, — это такие люди, которые не ответственны ни перед кем и ни за что. Такие люди пусты» [8, с. 57—58].

Известный специалист по проблемам американского бизнеса П. Дракер еще в 1960 г. опросил 500 управляющих крупными банками США, предложив им следующий вопрос, касающийся их деловой практики: «Считаете ли вы, что материальные интересы преобладают над мотивами социальной ответственности?» Оказалось, что 76% опрошенных ответили утвердительно. И хотя мы не сомневаемся, что и остальные 24% в своей практической предпринимательской и финансовой деятельности мало чем отличаются от тех, которые ответили «да», тем не менее откровенное признание подавляющего большинства заправил делового мира США весьма характерно. Не случайно Дракер в итоге своих обследований пришел к выводу: «Обычный бизнесмен, когда его спрашивают о том, что такое бизнес, вероятнее всего отвечает: „Организация с целью делать прибыли“» [11, с. 35].

Другой американский специалист по «социальным проблемам бизнеса» Теодор Левитт высмеивает как демагогию разговоры о «социальной ответственности» бизнесмена. Он пишет: «Все эти разговоры — просто болтовня. Они прекращаются, как только дело доходит до бумажника» [12, с. 42]. Нельзя не согласиться с этим. Разговоры о «социальной ответственности» в рамках буржуазной идеологии и практики американского капитализма есть просто-напросто ширма, демагогический лозунг, лицемерная фраза [см. подробнее: 3, с. 164—178; 4, с. 172—182].

Характерно, что члены «правлящей элиты» США надевают маску «социальной ответственности» и преданности «обществен-

ным интересам» часто прежде всего для обмана подчиненных. Вильям Хороз в работе «Кризис социальной ответственности» на многих примерах прослеживает, как под влиянием неумолимой логики действительности иллюзии и мифы «групповой солидарности», «общего интереса» и «человеческих отношений» постепенно и неизбежно разрушаются у рядовых служащих. Люди в конце концов осознают, что они лишь объекты для эксплуатации и бюрократической манипуляции, что те, кто правит корпорацией, совершенно равнодушны к их интересам, что вся практика управления в корпорации заставляет их постепенно конкурировать друг с другом, толкает на постоянную борьбу за личное существование [13].

Едким памфлетом на буржуазный образ жизни и потребительские критерии счастья прозвучала книга Ричарда Альтшулера и Николаса Регаша «Открытая действительность» [16], которая рисует опасный характер все возрастающего дегуманистического влияния промышленных корпораций на внутренний мир человека, формирование в человеке «корпоративного» понимания счастья и смысла жизни. Полная социальная безответственность этих корпораций, стремление продать любым путем (лишь бы продать) заставляет человека подобно белке в колесе гоняться за иллюзорными призраками счастья, достичь которые, — как показали эти исследователи, — нельзя на пути потребительства.

В чем же истоки кризиса социальной ответственности в буржуазном образе жизни, кто виноват в потере людьми их жизненно важных социальных качеств? Отвечая на этот вопрос, Роберт Глинер пишет: «Мы не можем быть ответственными за наши действия; мы «только выполняем приказы». Таким образом, это не мы несем ответственность, а они» [7, с. 47], — заявляет ученый, боясь при этом прямо назвать главного виновника — систему буржуазных частнособственнических отношений. «Мы действуем, будучи освобожденными от обязательств, поскольку у нас имеется лишь очень смутное представление относительно того, кто мы такие, и у нас имеется не большее представление относительно того, что мы знаем. Наше нежелание «вмешиваться» лишь усиливает нашу потерю ответственности» [7, с. 49].

Буржуазные идеологи рассматривают ответственность преимущественно в плане личной, индивидуальной ответственности человека за его деяния и поступки. Это объясняется не только (а может быть, и не столько) их теоретической несостоятельностью в объяснении социальной природы ответственности; здесь они следуют также и определенному, социальному заказу: закамуфлировать ответственность эксплуататорских классов перед трудящимися, оправдать фактическое разделение свободы и ответственности с таким умыслом, чтобы превратить первую в исключительную привилегию правящего слоя, а вторую — в оковы для угнетенных масс. Подобное разделение

отражает раскол самого антагонистического общества, в котором нет единства общественных интересов и поэтому не может быть ни равной для всех свободы, ни однозначной для всех ответственности.

В обществе, основанном на частной собственности, действует правило «каждый за себя». Лозунг «человек человеку — друг» не укладывается в рамки конкуренции. Защитники капиталистического образа жизни утверждают, что конкуренция поощряет предприимчивость, чутье нового. Но она порождает и другое — корыстолюбие, жестокость, крайний индивидуализм, безответственность. Конечно, коллективизм зарождается еще в условиях капиталистического общества: рабочие, объединяясь для борьбы за свои права против капитала, действуют совместно, коллективно. Но эти коллективные интересы, интересы большинства не совпадают с интересами «общества», в котором господствует меньшинство. Так, все средства массовой информации обвиняют, например, бастующих в том, что они «предают интересы нации», «подрывают национальный экспорт», «выдвигают необоснованные и неприемлемые требования» и т. п.

Лишь при социализме коллективизм становится основным и всеобщим принципом во взаимоотношениях между людьми. Он предполагает социальную ответственность каждого не только за свой образ жизни и за свои поступки, но и за судьбы коллектива, за судьбы всего общества.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXV съезда КПСС. Стенограф. отчет. — М.: Политиздат, 1976. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 4. Гвишиани Д. М. Социология бизнеса. — М., 1966. 5. Замошкин Ю. А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. — М., 1966. 6. Fairlie Henry. The Spoiled Child of the Western World. The Miscarriage of American Idea in Our Time. — London: Sheldon Press, 1976.—350 p. 7. Gliner Robert. American Society as a Social Problem. — N. Y.: Free Press L., Collier Mc. Publishers, 1973.—393 p. 8. Roche G. C. The Bewildered Society. — New Rochelle, N. Y.: Arlington House, 1972.—346 p. 9. Chenoweth Lawrence. The American Dream of Success. The Search for the Self in the 20-th Century. — North Scituate, Mass, Duxbury Press, 1974.—237 p. 10. Campbell Angus, Converse Philip E., Rodgers Willard L. The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfaction. — N. Y., 1976.—583 p. 11. Drucker P. F. Practice of Management. — N. Y., 1964. 12. Levitt T. The Danger of Social Responsibility. — Harvard Business Review, 1958.—13 S. 13. Horosz William. The Crisis of Responsibility. Man as a Source of Accountability. — Norman: University of Oklahoma Press, 1975.—324 p. 14. Frank E. Armbruster. The Forgotten Americans. A Survey of values, Beliefs and Concerns of the Majority. — New Rochelle N. Y.: Arlington House, 1972.—454 p. 15. Ali A. Shukair. The American Way of Life. — N. Y.: Philosophical Library, 1972. — 134 p. 16. Altshuller Richard and Regush Nicholas M. Open Reality. The Way Out Mimicking Happiness. — N. Y.: Putnam, 1974.—224 p. 17. Purdie Opinion Panel. Report of Poll., 1967, No. 81, November. 18. Montagu Ashley. The American Way of Life. — N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1976.—352 p.

**К КРИТИКЕ «НАУЧНОГО МАТЕРИАЛИЗМА»
(ОБ ОДНОЙ ФОРМЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ)**

Сегодня фактом является заметное обострение идеологической борьбы, указывается в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС [3, с. 3—4, 75, 77—78]. Отсюда вытекает необходимость особого внимания к развитию критики современной буржуазной философии.

Как подчеркивается в редакционной статье журнала «Коммунист», — «О состоянии и направлениях философских исследований», ныне особенно актуальной является критика «модернизированных» форм буржуазной философии, одним из источников которых явилось крушение в недавнем прошлом столь значительной и влиятельной позитивистской доктрины [4]. К числу новых направлений в буржуазной философии относятся такие явления, как «реализм», «методологический материализм», «научный материализм», само появление которых свидетельствует о возрождении в современной буржуазной философии интереса к мировоззренческой проблематике (возрождение «метафизики»), находившейся недавно под категорическим позитивистским запретом. Этот процесс, его содержание и многообразные формы уже получили первую оценку в советской критической литературе [13; 9; 8]. Здесь показано, что эти явления неопровержимо свидетельствуют о принципиальной неосуществимости неопозитивистской программы элиминации коренной мировоззренческой («метафизической», «онтологической») философской проблематики, как якобы «не имеющей научного смысла». В конце концов стало очевидным, что основные принципы неопозитивизма (например, принцип эмпирической верификации) сами являются (с точки зрения выдвигаемых этой концепцией требований) «неосмысленными», и «метафизика», изгнанная с парадного крыльца философии, вновь оказалась проникшей в нее через черный ход [13, с. 141]. Осознание несостоятельности претензий неопозитивизма, поиски действительных контраргументов его субъективно-идеалистическим утверждениям, несовместимым с современной наукой, собственное развитие естественных наук создали благоприятную почву для обращения к материалистической философии. Не в последнюю очередь этот поворот осуществился под влиянием успехов марксистской философии. Однако социально-политические условия современного буржуазного общества, как и прежде, затрудняют восприятие буржуазными учеными марксистской философии. Этим обуславливается возникновение и распространение извращенных форм материализма. Половинчатость и нерешительность обращения буржуазного философ-

ского сознания к материализму обнаруживается в следующем характерном явлении. С одной стороны, буржуазные философы вынуждены обращаться к материалистическому учению как средству преодоления разразившегося кризиса позитивизма, а с другой стороны, под влиянием позитивистских предрассудков коренное содержание материалистического мировоззрения ими категорически отвергается. Все это можно проследить на примере такой разновидности постпозитивизма, как «научный материализм», который оказывается ближе к идеализму, чем к собственно материализму [8; 11, с. 147]. Особенностью «научного материализма» является то, что эта форма постпозитивизма привлекает многих естествоиспытателей, в том числе и таких, которые, как, например, известный французский физик Б. д'Эспанья, отвергают материалистическую философию в целом, но вместе с тем считают приемлемым в научном познании обращение к ее извращенной и половинчатой форме — «научному материализму». д'Эспанья отмечает, что его «мировоззрение является по существу платоновским или даже пифагорейским» [14, с. 490]. Это позволяет ему выбрать весьма «гибкую» позицию: оценивая недостатки «научного материализма», он выдает их за недостатки всего материализма, в особенности современного диалектического материализма. Однако, будучи не в состоянии как физик противостоять напору материалистического содержания современного научного познания, он считает приемлемым материализм как «позицию мышления» в науке. Все это обуславливает сложный характер критики подобных явлений в современной буржуазной философии, некоторые аспекты которой мы покажем на примере разбора работы Б. д'Эспанья, профессора Парижского университета, видного специалиста в области квантовой физики. Обратимся непосредственно к его рассуждениям. Он пишет следующее.

Представители «научного материализма» второй половины прошлого века полагали, что они способны полностью определить материю как совокупность атомов и полей и могут построить науку без всякого соотнесения (даже имплицитного) с состоянием наблюдателей. Следовательно, мыслители того времени твердо верили, что определенная таким образом «материя» есть действительно единственная и первичная реальность. Сегодня ситуация усложнилась. Хотя биологи и смогли до известной степени объяснить жизнь с помощью принципов физики, но в то же время эти принципы не могут быть сформулированы без соотнесения с восприятием, а значит, и с разумом (наблюдателей). Вследствие этого материализм вынужден изменяться. Современная форма материализма — диалектический материализм — более или менее принимает ту точку зрения, что наше сознание имеет свою собственную замечательную

специфику. Однако присутствие слова «материализм» в названии этой философии становится все менее адекватным, а потому возрастает опасность того, что оно может породить непонимание, особенно среди неспециалистов. Действительно, для большинства ученых этот термин предполагает определенную онтологию, являющуюся специальной формой макро- или микрообъективизма. Однако квантовомеханические ограничения, базирующиеся на понятии физического объекта, приводят к отказу от любой формы объективизма как фундаментальной онтологии. Поэтому «научный материализм» сегодня может быть принят лишь как метод или позиция мышления (*attitude of mind*), но не как онтология [14, с. 476—478].

В изложении д'Эспанья «научный материализм» имеет своей предпосылкой метафизический и даже вульгарный материализм. Действительно, именно Бюхнеру и Молешотту принадлежит первая версия редукции психического к физическому, которая в модернизированной форме является одной из основных в современном «научном материализме». Конечно, влияние вульгарного материализма на современный постпозитивизм опосредовано промежуточными философскими концепциями [13, с. 145]. Кроме того, развитие науки за последние сто лет внесло известные коррективы в идеалы редукционизма. Однако и сегодня известный представитель «научного материализма» Дж. Дж. С্মарт считает возможным утверждать, что «в один прекрасный день само поведение людей будет объяснено в механических терминах. По-видимому, в той мере, в какой это относится к науке, в мире не существует ничего иного, кроме все более увеличивающегося числа сложных комплексов физических частиц» [13, с. 147]. Таким образом, определенное родство современного «научного материализма» и материализма вульгарного действительно имеет место. Однако какое это имеет отношение к диалектическому материализму?!

Второй тезис историко-философских изысканий д'Эспанья как раз и состоит в попытке представить диалектический материализм как некоторую модификацию «научного материализма», причем единственное различие между этими теориями д'Эспанья усматривает в признании диалектическим материализмом специфики идеального (сознания, мышления). Это различие, по мнению д'Эспанья, столь существенно, что якобы ведет к отказу от материализма вообще и, в частности, от материализма как фундаментальной онтологии. Можно ли согласиться с выводами французского физика? Для всякого, кто действительно знает историю становления философии марксизма, такой вывод, конечно, неприемлем. Прежде всего хорошо известно, что последовательное решение основного вопроса философии с позиций признания первичности материи является основой диалектического материализма; это то, что роднит его с домарксовскими формами материализма. Вместе с тем вопрос

о форме связи материального и идеального, о специфике идеального решается в философии марксизма-ленинизма иначе, чем в рамках метафизического (и, в частности, вульгарного) материализма. Диалектический материализм признает специфику идеального как высшего продукта особым образом организованной материи (человеческого мозга) [1, т. 20, с. 34—35; 2, т. 18, с. 50, 239]. Признание специфики идеального в рамках диалектического материализма всецело основывается на материалистическом решении основного вопроса философии, а всякое отклонение от этого принципа является изменой материализму. Поэтому, если констатация д'Эспанья отхода «научного материализма» от принципов материализма имеет объективный смысл и свидетельствует о близости этой формы позитивизма идеализму, то приписываемый диалектическому материализму отказ от материалистического вопроса философии является просто следствием недостаточного знания диалектико-материалистического учения.

Наряду со сказанным необходимо подчеркнуть, что только диалектико-материалистический подход обеспечивает научное понимание специфики идеального. Основные моменты такого понимания резюмированы еще Ф. Энгельсом в его трудовой теории антропогенеза [1, т. 20, с. 486—500]. Следовательно, научное обоснование специфики идеального отнюдь не приводит диалектический материализм к отказу от собственно материализма, как это полагает д'Эспанья. Напротив, оно требует материалистического решения основного вопроса философии в качестве своего необходимого условия.

Следующим аспектом рассматриваемых попыток дискредитации диалектического материализма является классификация этого учения как формы объективизма. Однако такое представление есть извращение учения Маркса—Энгельса—Ленина. Так, К. Маркс утверждал следующее: «Главный недостаток всего предшествующего материализму — включая и фейербаховский — заключается в том, что объект, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно... Фейербах... не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности» [1, т. 3, с. 1—4]. Все дальнейшее развитие диалектического материализма построено на основе учета активности субъекта в познании. Следовательно, и этот аргумент д'Эспанья основан на незнании диалектического материализма.

Опровержение трактовки диалектического материализма как формы объективизма лишает основы утверждения д'Эспанья о неизбежности противоречия этого учения квантовой механике. Однако это лишь первый шаг в доказательстве способности философии марксизма-ленинизма удовлетворить мировоззренческие и общеметодологические запросы современной науки.

Необходимо далее — в качестве второго шага — прямо показать, каким образом диалектический материализм выполняет эти функции и, в частности, преодолевает трудности, присущие объективистскому подходу квантовой теории. Идя таким путем, мы получаем третье, на этот раз вытекающее из оснований квантовой физики, опровержение нападок д'Эспанья на диалектический материализм.

В чем же заключаются трудности объективизма? Д'Эспанья пишет следующее.

Мы привыкли к тому, что некоторая часть реальности — физические объекты — может существовать отдельно и обладает определенными для отдельных объектов свойствами. Но поскольку материя состоит из атомов, элементарных частиц и т. д., то такие представления распространяются и на эти сущности, называемые микрообъектами. Конечно, микрообъекты должны подчиняться — в теории без скрытых параметров — соотношениям неопределенностей, которые предохраняют их от обладания слишком многими свойствами одновременно. Но часто допускается, что такие объекты имеют максимум свойств, допустимых при некоторых условиях. Эти допущения дополняются предположением, что хотя искомые свойства и могут быть изменены вследствие взаимодействия с другими системами, например, с инструментом измерения, но они существуют как вполне самостоятельные, независимые от наличия таких инструментов. Это — микрообъективизм. Характерным для данной точки зрения есть описание явлений как результата взаимодействия между элементами, каждый из которых имеет свои собственные свойства. Однако, согласно квантовой механике, даже если справедливо, что в определенный момент большое число микросистем имеет свой собственный максимальный набор свойств, это не дает нам права считать, что через некоторое время после взаимодействия сохранится такая же ситуация. Действительно, вследствие взаимодействия элементарные частицы утрачивают свои собственные индивидуальные свойства, которыми они обладали до взаимодействия. Появляются новые свойства, но теперь они характеризуют обе подсистемы. Строго говоря, теперь эти свойства присущи сложной системе, составленной из исходных компонентов. Новая система должна рассматриваться как неразделимое целое (*unseparable whole*) — в противоположность классическим представлениям о двух самостоятельных объектах [14, с. 355—358].

Принципиальное возражение д'Эспанья против объективизма (в частности, против такой его формы, как микрообъективизм) состоит в утверждении феноменов нетривиальной целостности, игнорируемой этой концепцией. Такое возражение вполне оправдано в свете результатов дискуссии Бора — Эйнштейна. Как известно, одним из ее наиболее значительных результатов является вывод Н. Бора о целостности квантовых явлений

[6, с. 101—102; 17, с. 264]. Характерное резюме взглядов Бора и его последователей (в частности, Д. Бома) мы находим в работе Р. Лестинен (Франция) [16]. Он подчеркивает, что, согласно Бору, особенно важным понятием квантовой теории является понятие нераздельности, целостности (non-separability) квантовых образований; нераздельность исследуемого объекта и инструмента имеет фундаментальный характер. Нельзя говорить что-либо о квантовом объекте (во всяком случае в классических терминах), если не связывать с ним измерительное устройство. Другими словами, «замена в квантовой теории пространственной точки, изображающей в классической теории состояние частицы, на ячейку фазового пространства h^3 , форма которой явно зависит от условий эксперимента, указывает на целостность квантового объекта и инструмента исследования. Это фиксируется в принципе дополнительности Бора. Однако нераздельность имеет намного более общую природу, чем указанный принцип» [16, с. 227—228].

Философскую оценку этого вывода Бора мы находим у советского исследователя И. С. Алексеева. Он убедительно показывает, что целостность квантовых объектов не только допускает, но требует диалектико-материалистического подхода в качестве единственно возможной общеметодологической и мировоззренческой основы ее адекватного описания [6, с. 102; 7, с. 227—231].

Практическим доказательством конструктивности марксистско-ленинской философии в обеспечении потребностей конкретных наук является основанное на ее принципах дальнейшее развитие концепции целостности Н. Бора в работах советских ученых В. А. Фока, А. Д. Александрова, М. Э. Омеляновского и др. Исследуя свойства многоэлектронных объектов, А. Д. Александров, например, еще в пятидесятые годы пришел к выводу об их объективной целостности, т. е. взятых «самих по себе», вне эксперимента (вне боровского явления). Идеи этого ученого получили некоторое развитие в других работах [11; 12]. На основании сравнения методов Хартри и Хартри—Фока [10, с. 293] был сделан вывод о природе обменного взаимодействия как специфической поправки к энергии обычного силового взаимодействия атомных электронов. Эта поправка необходима вследствие того, что представление атома как множества отдельных компонентов справедливо лишь приблизительно. Обменный феномен представляет, таким образом, целостное свойство многоэлектронных объектов «самих по себе».

Ограниченность наивно-реалистического объективизма во взглядах на природу последовательно преодолевается лишь в рамках диалектического материализма в свете диалектики множественного и единого в свойствах материи. Действительно, основное утверждение о существовании кванта действия h несовместимо с любой формой объектного языка. Оно

означает, что для любой физической системы существует в пространстве действия далее неделимое и неразложимое на какие-либо множества ячейка h^N (здесь N — число измерений). Любые эксперименты могут лишь менять форму этой ячейки, но не могут привести к ее разбиению. Физический смысл этого элементарного, но исключительно важного факта заключается в принципиальной недостижимости объективистского идеала абсолютной и полной (неограниченной или бесконечной) детализации (делимости) состояний физических систем в любых пространствах реального физического опыта (в обычном пространстве, в пространстве энергии, импульсов, масс и т. п.), каждое из которых входит в качестве сомножителя в размерность действия. Этот фундаментальный физический запрет имеет столь же объективный смысл, как, например, недостижимость абсолютного нуля или невозможность построения вечного двигателя. В своем положительном смысле этот запрет требует осознания ограниченности объективистского представления о мире как о множестве каких-либо «тел» (или других «элементов» в любых пространствах реального физического эксперимента), дополнения этого числа множественного классического представления о мире представлением о нем как о физически неделимом на субквантовом уровне. Вместе с тем не следует при этом сам субквантовый уровень материи мыслить в объективистских терминах частиц (элементов) и их множеств: то, по отношению к чему теряет смысл операция разложения на множества, не может быть, разумеется, ни элементом, ни множеством, а является именно свойством неделимой связи реальных множеств. Таким путем мы приходим к взаимно сбалансированному и поистине диалектическому воззрению на мир как на многое, который с известной стороны оказывается также и единым, неразложимым на многое. При этом любой уровень развития объектного языка в принципе может дать лишь относительную картину реальности, не выходящую за пределы ее множественного аспекта. Полную же истину способна раскрыть лишь вся система категорий диалектического материализма, отождествление которого с субъективизмом является, как видим, совершенно неправомерным.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 4. О состоянии и направлениях философских исследований. — Коммунист, 1979, № 15, с. 66—79. 5. Александров А. Д. Связь и причинность в квантовой области. — В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. — М.: Мысль, 1973, с. 335—364. 6. Алексеев И. С. Некоторые соображения по поводу дискуссии Эйнштейна и Бора. — Вopr. философии, 1979, № 1, с. 96—103. 7. Алексеев И. С. Концепция дополнителности. Историко-методологический анализ. — М.: Наука, 1978. — 276 с. 8. Балмаева С. Д. К проблеме мировоззрения современной эмпирико-сциентистской философии. — Философские науки, 1978, № 6, с. 109—116. 9. Дубровский Д. И. «Научный материализм» и психофизиологическая проблема. — Философские науки, 1977, № 2, с. 48—62. 10. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Квантовая механика (нерелятивистская теория). — М.: Наука, 1974. — 752 с. 11. Тягло А. В., Цехмистро И. З. Методологическая роль идеи целостности как выражение

конечной неразложимости системы на множество элементов (на примере анализа обменного взаимодействия). — Вестн. Харьк. ун-та, 1977, № 149, с. 34—42. 12. Тягло А. В., Цехмистро И. З. К проблеме целостности квантовой теории. — Вестн. Харьк. ун-та, 1978, № 166, вып. 12 (Философия), с. 87—92. 13. Юлина Н. С. Постпозитивизм и «новая метафизика». — Вopr. философии, 1974, № 1, с. 139—148. 14. *d'Espagnat B. Conceptual Foundations of Quantum Mechanics*. — Menlo — Park, Calif., 1971. 15. *d'Espagnat B. On Propositions and Physical Systems*. — *Quantum Mechanics, a Half Century Later*. — Dordrecht — Boston, 1977. 16. *Lestienne R. Four Ideas of David Bohm on the Relationship Between Quantum Mechanics and Relativity*. — *Quantum Mechanics, a Half Century Later*. — Dordrecht — Boston, 1977. 17. *Paty M. The Recent attempts to Verify Quantum Mechanics*. — *Quantum Mechanics, a Half Century Later*. — Dordrecht — Boston, 1977.

Поступила в редколлегию 15.03.81.

А. И. ГОЛОВИН, канд. филос. наук

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ МАТЕМАТИКИ В ОБЩЕСТВЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Исходные положения. Определим философское диалектическое ядро, социологические основы и практическое значение разработки темы в философско-социологическом аспекте. Ядром и одновременно инструментом ее движения служит систематическое единство диалектического противоречия и основного вопроса философии, социальной детерминации и функций познания в обществе, примененное здесь к отдельной науке — математике [1, с. 55—57; 2, т. 23, с. 316, т. 20, с. 37—38, 572—573].

Со стороны ее функций — производственных, идеологических, общенаучных и др. — это единство означает: они — момент ее детерминации в системе материального и духовного производства; момент именно активности — оборачивания ее на причины, обуславливающие ее возникновение и развитие; «детерминация» и «функции» гносеологическим началом имеют постановку и решение вопросов о первичности и познаваемости как сторон «основного вопроса философии»; последний, как отношение субъективной к объективной реальности, есть вместе с тем «основное диалектическое противоречие философии»; и в итоге — диалектическое единство детерминации и функций науки есть философско-социологический аналог источника, движущих сил и закона развития ее как общественного явления, следовательно, генеральный методологический принцип разработки и данной темы.

Социологической основой служит прежде всего идея основного социологического закона определяющей роли способа производства в общественном развитии, материалистическое понимание истории в целом; его конкретизация — концепция развитого социализма и Основные направления экономического и социального развития СССР, определяющие также необходимую роль в этом наук. Все это составляет теоретические основы разработки темы.

Наконец, о практическом значении: статья — итог попытки связать пропагандистский и методологический планы темы, и потому — возможное пособие для формирования научного мировоззрения молодого специалиста. В знаменитых ленинских «Тезисах о производственной пропаганде» поднимается как один из важных вопросов о систематической постановке названной пропаганды «в общегосударственном размере» [3, т. 42, с. 14—16 и с. 143, 196, 330]. Важным моментом ее стало сегодня методологическое обеспечение движения общественного производства на этапе развитого социализма, функций математики как фактора его интенсификации, ускорения научно-технического прогресса, совершенствования управления, которые выделяются здесь по основным направлениям.

1. Интенсификация производства. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» о ней читаем: «Настойчиво повышать эффективность общественного производства на основе его всесторонней интенсификации...» [5, с. 141]. Что стоит за строкой документа? В решении вопроса выделим: а) категориальное содержание указанного процесса; б) необходимость и значение математики в его обеспечении.

Интенсификация определяется как противоположность экстенсивному пути развития производства [5, с. 40; 17, т. 2, с. 38—40, т. 4, с. 481—482]. Последний означает, что расширенное воспроизводство осуществляется на прежней технической основе — увеличением численности работников, количества средств труда. Первый, напротив, означает, что рост объемов производства и национального дохода достигает за счет прогрессивных технологий, научно-технического прогресса, совершенствования управления и т. п.; но по существу — если учесть коренной здесь момент «воспроизводство» — посредством внедрения прогрессивных технологических, организационных и экономических воспроизводственных структур в процессе производства материальных условий жизнедеятельности людей, — что в целом и обеспечивает повышение его эффективности. По историческим масштабам осуществляемый перевод на путь интенсивного развития сравним с социалистической индустриализацией [5, с. 107]. Его историческая необходимость связана с созданием материально-технической базы коммунизма и соревнованием двух мировых систем.

В обеспечении интенсификации существенная роль науки, на что вновь указал XXVI съезд КПСС [5, с. 42]. Заметная роль в этом принадлежит математическому обеспечению. Определим его объективную историческую необходимость и факты для оценки его значения. Необходимость свяжем с отмеченным коренным моментом. Заметим, что момент воспроизводства, повторяемости определенных структур, в частности количественных, служит объективно-практической предпосылкой

рационализма, выделения количественных и математических структур, формализации — в мыслительном отношении и одновременно предпосылкой механизации, машинизации, автоматизации — в технико-технологическом отношении. Момент поэтому важен для конкретизации в философско-социологическом плане энгельсова принципиального положения: математика возникла из *практических потребностей* людей, она заимствована из этого мира, выражает часть присущих ему форм связей и *только поэтому* может вообще к нему *применяться* [2, т. 20, с. 37—38] для уяснения механизма детерминации производственных функций применительно к современным общественным задачам.

Для оценки значения математического обеспечения важны следующие факты: путем математического машинного эксперимента на ЭВМ [9] выявляется оптимальный вариант проекта промышленного объекта с экономическим эффектом 5—7% в сравнении с «чисто» человеческим, талантливым решением отдельного коллектива; использование ЭВМ в комплексе АСУ технологическим производственным процессом — АСУТП обеспечивает увеличение выпуска продукции на 1—3%, содействует превращению труда в разновидность умственного труда [18, 1980, 12 мая, с. 3]; создание по решению КПСС в перспективе общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления — ОГАС позволит удвоить выпуск продукции машиностроения и строительства при тех же основных фондах и числе занятых [19, 1979, 4 янв., с. 3]. Таковы факты.

Замечательные выводы следуют из их сравнения: первый — что наука математика служит эффективным фактором обеспечения интенсивного пути расширенного воспроизводства; второй — что именно при создании ОГАС на интенсификации существенно сказываются достижения НТР, т. е. когда они соединяются с преимуществами социалистической системы хозяйства как целого. А в единстве оба означают, что именно при этих масштабах практически раскрывается историческое — технологическое и экономическое — превосходство интенсивного пути социалистического расширенного воспроизводства и соответственно необходимость в науке, математическом обеспечении, эффективность его производственных функций; и, конечно, раскрывается понятие математики как непосредственной производительной силы общества — в качестве философско-экономического аналога единства производственных и познавательных, технологических и экономических аспектов в общественном производстве. Рассмотрим этот механизм интенсификации в связи с научно-техническим прогрессом, управлением и ролью в них математического обеспечения, поскольку они дают наиболее заметный эффект.

2. Ускорение научно-технического прогресса. Его цель — вывести все отрасли народного хозяйства на передовые рубежи

науки и техники [5, с. 42, 142, 143]. А исток цели — ленинские идеи научно-технических работ, VIII Всероссийский съезд Советов 1920 г., XIV съезд ВКП(б) 1925 г., определившие: держать курс на индустриализацию страны, чтобы превратить СССР в страну, «производящую машины и оборудование» [3, т. 42, с. 14—16, 30—31, 148—161, 196—197; 339—347; 4, с. 245—247]. Основные направления, принятые XXVI съездом партии, связывают с ним интенсификацию производства, а для этого в области математики и технических наук необходимо, в свою очередь, «развитие математической теории, повышение эффективности ее использования в прикладных целях», «совершенствование вычислительной техники, ее элементной базы и математического обеспечения, средств и систем сбора, передачи и обработки информации» [5, с. 146]. Что стоит за строкой документа об ускорении научно-технического прогресса и роли в нем названного обеспечения? Определим в связи с этим: а) категориальное содержание процесса; б) исторические и организационные его формы; в) необходимость в нем данного обеспечения.

Научно-технический прогресс (НТП) и его современная форма — НТР представляют собой взаимосвязь звеньев, образующих последовательно сопряженный комплекс «наука — техника (технология) — производство — потребление» [17, т. 3, с. 42, 43]. Для НТР характерно слияние науки и производства; в ее основе — две встречные тенденции: наука превращается «в непосредственную производительную силу» общества, а производство — «в технологическое приложение науки» [2, т. 46, ч. 2, с. 215; т. 23, с. 638]. Тенденции проявляются в таких аспектах: в философском — в соединении познавательных и производственных функций в принципиально новых средствах труда, в основном направлении НТР и ее главном техническом результате — комплексной автоматизации производства с применением ЭВМ, АСУ и переходе к самодействующей системе машин-автоматов; в экономическом — в соединении прогрессивной технологии и экономической эффективности и т. п. процессам по интенсификации производства; в организационно-управленческом — в новом историческом способе соотношения науки и производства и его формах, благодаря которым и реализуется эффективное взаимодействие встречных тенденций.

Что представляют собой новый способ и организационные формы соотношения науки и производства? Прежде их отношения, как звеньев сопряженного комплекса НТП, в общем случае складывались естественно-исторически и стихийно, тогда как для НТР характерно, что между ними устанавливается прямая, ранее практически отсутствовавшая, кооперация [17, т. 3, с. 43]. Она, следовательно, выступает современным принципом их организации. Вот некоторые из эффективных ее форм: комплексно-целевые программы (КЦП), долгосрочные программы сотрудничества стран (ДЦПС), научно-производственные

объединения (НТО), — с использованием в каждой научных методов управления, ЭВМ, средств автоматизации и диспетчерской связи. Логичным поэтому было создание специализированного НПО «Центрпрограммсистем»: для разработки и снабжения программами любых потребителей. В его фонде накоплено более 200 пакетов, в том числе по оптимизации планирования и управления производством, применимых как типовые во всех АСУ [18, 1980, 12 мая, с. 3]. Современное производство — непосредственный потребитель не только инженерного знания, но и научных достижений в области математики [17, т. 3, с. 44; 8]. Коренной вопрос, однако, в том, что составляет историческую необходимость производственных функций именно математики, какие именно моменты производства порождают потребность в ее обеспечении и особо — быть ей непосредственной производительной силой общества? Раскроем хотя бы отчасти, что стоит за приведенными ранее строчками о детерминированности функций, роли момента воспроизводства структур в производстве для уяснения ее механизма. Будем различать в ней: технологические предпосылки и экономические основы функций — в соответствии с природой самого воспроизводства, спецификой отражения его в экономической науке; социально-исторические условия в целом — в соответствии с философским подходом к ним. Технологические предпосылки и экономические основы воспроизводства материальных условий жизнедеятельности людей при натуральном хозяйстве раннеклассового общества породили эмпирическую математику. Рождение ее как теоретической, дедуктивной науки произошло в VI—V в. до н. э. в древней Греции в результате общекультурной революции: в единстве воспроизводства в условиях товарного производства и обмена, победы рабовладельческой демократии, характера соответствующей им идеологии, роли здесь рационального, дедуктивного метода в общественном сознании. Развитие дедуктивной математики привело к формализованному символическому языку, математической логике, что в XX веке стало, в свою очередь, основой момента диалектического оборачивания математического знания на социальную действительность: основой создания машинного языка ЭВМ и современных автоматов, аналогов рассудочной деятельности, предпосылкой автоматизации управления производством посредством АСУ и управления общегосударственными производительными силами социалистического хозяйства, создания в перспективе ОГАС.

В итоге, быть непосредственной производительной силой общества, фактором общественного воспроизводства означает для математики: в аспекте средств труда — соединение в непосредственно материальном производстве противоположностей, познавательных и производственных функций, математических структур и технологического и экономического содержания благодаря применению в нем ЭВМ, АСУ как посредствующих

звеньев в соотношении этих противоположностей, и на этой основе — повышение его технологической и экономической эффективности. В аспекте человеческого фактора — означает, что труд специалистов-математиков, обслуживающих материальное производство, становится трудом по его научной, математической подготовке и непосредственно смыкается с трудом его работника; что по этим функциям они превращаются в относительно самостоятельную и неотъемлемую часть «совокупного работника», говоря языком экономистов; что растет непосредственное — технологическое и экономическое — значение математической культуры, уровня образования рабочих, растет и число математиков, обслуживающих материальное производство.

Математика как производительная сила и ее производственные функции во многом реализуются через движение управления.

3. Совершенствование управления. Его направленность — на обеспечение интенсификации экономики. В Основных направлениях для этого определяются новые формы организации науки и производства, о которых шла речь выше, роль планирования как центрального в нем звена, «обоснованность планов и своевременное их доведение до исполнителей» [5, с. 198]. При этом важна роль и ЦСУ, автоматизированной системы плановых расчетов, и повышения качества и эффективности управленческого труда в целом, его форм и методов, развития сети АСУ и ВЦ коллективного пользования, объединения их в ОГАС [5, с. 201]. В свете данной перспективы выделим в едином производственном процессе диалектические тенденции: а) развитие сети АСУ; б) математическое и технико-технологическое обеспечение в их единстве и развитии; в) рационализацию методов управления.

Развитие сети АСУ — это прежде всего развитие структурной иерархии, соподчинения их на различных уровнях организации и масштабов производства — от АСУТП до ОГАС. В количественном отношении развитие представлено, в частности, устойчивым ростом числа АСУ различных масштабов; приняты в эксплуатацию первые очереди республиканских автоматизированных систем управления Латвии и Узбекистана, разработаны основы первой очереди РАС УССР [15, с. 84; 18, 1980, 12 мая, с. 3; 10, с. 3—4]. Заметно развитие и в экономическом плане — увеличением продукции при том же объеме основных фондов и трудовых ресурсов: на уровне АСУТП — на 1—3%, предприятия — 10—12%, крупного объединения — 40—50%, ОГАС — не менее 100% [Там же], при окупаемости систем от полутора до нескольких лет. С масштабом растет экономическая эффективность АСУ как посредствующего звена соотношения науки и производства, возрастают требования к обеспечению.

Качественно новые его горизонты открывает управление народно-хозяйственным комплексом развитого социализма: 10^{16} только вычислительных операций необходимо произвести здесь в год. Развитие технико-технологического обеспечения представлено движением элементной базы и быстродействием ЭВМ: сегодня это сверхбольшие и сверхбыстродействующие интегральные схемы, а в одиннадцатой пятилетке — станет рекурсивная ЭВМ с быстродействием 10^8 операций в секунду, многопроцессорная, с автоматизацией подготовки алгоритмов и программ, позволяющая в 100 и более раз увеличить производительность труда специалистов и решать недоступные ранее задачи [18, 1981, 27 февр., с. 4; 19, 1981, 12 февр., с. 3; 10, с. 4].

Движение математического обеспечения проиллюстрируем двумя группами фактов — по работам институтов АН УССР. Первая — создание и внедрение в народное хозяйство теории R-функций, которые позволили описывать геометрию сложных объектов и автоматизировать оптимизацию вариантов генпланов отдельного предприятия, упростить возможность реализации автоматизации программирования и составления комплексов программ решения задач. Вторая — в связи с рекурсивной ЭВМ в научной печати упоминались пакеты прикладных программ для решения задач дискретной оптимизации на ЭВМ и реализации математических методов исследования операций. Эти математические средства будут полезны при разработке оптимальных вариантов работы комплексов технических средств, размещения производства и т. п. Пакеты «по широте реализованных в них методов не имеют аналогов в мировой практике» [10, с. 4].

ЭВМ используются сегодня в системе рационального и оперативного управления — в методе имитационного моделирования, посредством математического машинного эксперимента, в частности в управленческих — деловых играх [7, с. 837—848; 12, с. 848—862; 17, т. 2, с. 538—539, т. 4, с. 226—228; 9] — для математического воспроизведения, исследования и управления реальными экономическими процессами, когда учитывается взаимодействие их непосредственно не сравнимых факторов — экономических, технологических, демографических и др. В литературе метод классифицируют по группам задач: 1) «обучение управленческого персонала», т. е. деловые игры; 2) «управление в оперативном режиме функционированием конкретных предприятий, объединений и т. п.», в том числе в составе АСУ; 3) «проведение научных исследований с целью анализа различных вариантов хозяйственного механизма и выработки предложений по его совершенствованию» [7, с. 838—839]. Нетрудно видеть, что вторая группа является сосредоточением аспектов: познавательного, управленческого и производственного; а первая и третья — развитием отдельных из них: кадрового или исследовательского. Тем самым имитационное моделирование

есть процесс соединения научных и производственных функций в математическом машинном эксперименте посредством ЭВМ, АСУ — в управлении сложными экономическими системами.

О трудностях двоякого рода при использовании математических методов. Первая: в разработке системы комплексного планирования сравнительная оценка различных стратегий долгосрочного развития связана с теми воспроизводственными структурами, на создание которых направлены подобные стратегии и оценка которых возможна лишь по очень широкому кругу социальных факторов [17, т. 4, с. 649]. Понятно, что экономико-математические модели могут сыграть здесь лишь вспомогательную роль. Вторая: реализация функций математики в управлении капиталистическим производством порождает при этом и их идеологический момент неверной направленности. Пример — так называемая «производственная функция» и ее простейший вариант Кобба — Дугласа [11, с. 961—971; 17, т. 3, с. 367—369]. В макроэкономической модели здесь устанавливается функциональная зависимость между объемом производства или дохода Y и факторами производства — затратами капитала K и труда L : $Y = A K^{\alpha} L^{\beta}$, где A — коэффициент пропорциональности, $\alpha + \beta = 1$. В расчетах идеологи капитализма: а) отождествляют участие факторов в процессе производства, их «производительный вклад» с их участием в создании стоимости продукции; б) фетишизируют коэффициенты α и β , толкуют их как «естественные» показатели распределения национального дохода. Так «доказывают» «объективность» его распределения, отсутствие эксплуатации при капитализме; так проявляется взаимосвязь гносеологических и экономических истоков и классовых корней идеологического момента в процессе реализации функций.

Несмотря на трудности, объективная тенденция в мире — в насыщении сферы экономики и управления специалистами-математиками и ЭВМ, информационной техникой: более 80% всего мирового парка ЭВМ занято сегодня в экономике и управлении [14, с. 166; 16, с. 155; 13, с. 75].

В итоге, в основе эффективности выделенных направлений совершенствования управления — единство производственного и познавательного аспектов, воспроизводственной структуры и воспроизведения ее в математической структуре, средствах обеспечения в целом.

Общие выводы. Определим лишь два из них — основных и характерных для сегодняшнего, начального состояния темы: о единстве макро-и микрофункций математической науки и новых методологических проблемах механизма их реализации в общественном производстве. Рассмотренные ее функции охватывают социальный масштаб и тенденции, — это так сказать микрофункции математической науки в производстве. Изучение их реализации углубило подход — в соответствии

с гносеологической и экономической сутью диалектического механизма НТР — до рассмотрения как моментов кооперации науки и материального производства в процессе общественного воспроизводства в целом: в философском аспекте — момента единения функций производственных и научно-познавательных, в экономическом — технологическом и экономических, — и в этих аспектах представить микрофункции во внутреннем механизме макрофункций.

В развитие изложенных результатов сформулируем также группы сопряженных (противоположных) вопросов, которые значительны для разработки темы и философско-социологического аспекта диалектической методологии науки в целом. Первая — в связи с фактом кооперации науки, в частности математики, и производства в условиях НТР: как возможно для математики быть непосредственной производительной силой общества, — и противоположный ему — как возможно для производства быть ее технологическим и экономическим приложением? Вторая — в связи с фактом выполнения математикой производственных функций: как возможны ее производственные функции в обществе развитого социализма, — и противоположный ему — какие стороны и как именно социалистического производства служат основой ее эффективного применения? Третья — в связи с тем, что математика служит эффективным фактором интенсивного пути расширенного воспроизводства, интенсификации экономики: как возможно математической науке быть фактором такого воспроизводства, — и противоположные ему — какие стороны воспроизводства и как служат необходимым технологическим и экономическим применением такого фактора?

Первая часть в каждом из сопряженных вопросов, будучи логическим (и риторическим) началом, есть лишь особый момент второй, момент оборачивания ее на себя, тогда как во второй — схвачено социально-историческое начало, детерминированность науки и ее функций в обществе. Сопряженные вопросы — ключ к пониманию начала математического аспекта отображения действительности и заслуживают специального исследования.

Список литературы: 1. Маркс К. Материалы рукописи. — М.: Наука, 1968. — 640 с. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 3. — М.: Политиздат, 1970. — 552 с. 5—6. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 7. Багриновский К. А. и др. Методологические проблемы имитационного моделирования хозяйственного моделирования. — Экономика и математические методы. Т. 16. вып. 5, 1980, с. 837—847. 8. Болтянский В. Г., Данилов-Данильян В. И. Математика и научно-технический прогресс. — Вопр. филос., 1979, № 7, с. 114—124. 9. Глушков В. М. Математизация научного знания и теория решений. — Вопр. филос., 1978, № 1, с. 28—33. 10. Гриценко В. И., Кривонос Ю. Г. Високі рубежі вчених-кібернетиків. —

Вісник Академії наук Української РСР, 1981, № 1, с. 3—5. 11. Клейнер Г. Б. Неоклассические производственные функции и двойственность. — Экономика и математические методы. Т. 16, вып. 5, с. 961—971. 12. Крюкова А. И., Олейник Ю. А. О направлениях использования деловых игр. — Там же, с. 848—862. 13. Научная деятельность: структура и институты. — М.: Прогресс, 1980.—432 с. 14. Развитие техники в СССР (1917—1977). — М.: Наука, 1978.—200 с. 15. СССР в цифрах в 1980 году: Крат. стат. сб./ЦСУ СССР.— М.: Финансы и статистика, 1981.—220 с. 16. Ушаков Ю. А. Экономико-математическое моделирование в американских корпорациях. — М.: Наука, 1980.—184 с. 17. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. В 4-х т. — М.: СЭ, 1972—1980. 18. Правда. 19. Правда Украины.

Поступила в редколлегию 27.04.81.

Е. В. КОРНИЕНКО

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И ФОРМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В центре остродискуссионных вопросов, решаемых эстетической наукой, находится проблема специфики языка искусства и связанные с ней методологические аспекты. В данной статье предпринята попытка рассмотреть взаимосвязь художественного языка и художественной формы в связи с развитием эстетического сознания личности. Материалом для решения этой задачи избрано музыкальное искусство.

В искусстве сложился взгляд на язык искусства как иерархично организованное и исторически развивающееся системное образование. Специфика художественного языка (живописи, музыки, скульптуры и др.) заключается в том, что он не является системой знаков, а содержит систему стереотипов, комплексов, интонаций, которые складывались исторически и обладают определенными выразительными возможностями. Эти возможности реализуются в художественной форме, включающей внутреннюю организацию, структуру художественного произведения. Художественная форма создается при помощи специфических, присущих данному виду искусства, средств выразительности — то есть художественного языка.

Художественный язык обладает определенной степенью самостоятельности. Академик Б. В. Асафьев писал: «...Как за произведениями литературы и поэзии живет язык, вечно изменяемый, несмотря на фиксирующие его словари, так за музыкально интонируемыми (в смысле исполнения) произведениями ощущается в устной живой традиции «напеваемого и наигрываемого» образно-музыкальный язык, тоже подвижный, тоже изменчивый, все же уловимый в гранях эпох и даже длительных стадий, в свойственной ему стилистике: это область интонаций» [3, т. 1, с. 240].

Эта самостоятельность выражается прежде всего в том, что художественный язык является компонентом эстетического сознания. Только овладев этим языком, слушатель или зритель может воспринимать художественное произведение. В то же время язык искусства, в частности музыки, отличается от словесного языка, языка науки, искусственных языков. Музыкальный язык представляет собой не знаковую систему, а «систему устойчивых типов звукосочетаний вместе с правилами (нормами) их употребления» [5, с. 217]. Его системность основывается на сложном внутреннем взаимодействии иерархично соотносящихся уровней. Одни из них связаны с приемами и правилами формотворчества, другие — более содержательные. Эти уровни не противопоставляются и не противоречат друг другу — они органично взаимосвязаны. В то же время каждый из них обладает относительно самостоятельными закономерностями, внутренней логикой.

Стало традицией характеризовать музыкальный язык как систему средств выразительности. Однако при этом подходе весьма сложно оказывается выстроить систему, ибо стержень, ее основа, отсутствует. Каждое из средств выразительности (будь то мелодия, гармония, лад или ритм) имеет свои исторически сложившиеся закономерности. В большинстве работ они рассматриваются в отдельности или с позиций отдельных типов связей (мелодия и гармония, гармония и форма, гармония и ритм). Отсюда и музыкальный язык моделируется не как система со всеми характерными для нее взаимосвязями, а как совокупность выразительных средств. Их неоднородность всегда была «камнем преткновения» в попытках создания целостной системы. Тем не менее основа такой целостной системы была найдена. Первая попытка (в области музыкального языка) была сделана Б. В. Асафьевым, который указал на принадлежность интонационных процессов в музыке к области художественного языка. «За произведениями, — писал он, — существует мир музыки как деятельности массового общественного сознания — от почти звуко-междометий, порой просто ритмо-интонаций, от характерных общелюбимых попевок до более развитых мелодических ростков, гармонических оборотов и до своеобразных обобщений, «вытяжек» из длинной цепи музыкальных впечатлений эпохи. Это «устный словарь интонаций» — очень подвижный, всегда в процессе становления, всегда в борьбе привычного с новыми вкладами» [3, т. 5, с. 204].

Именно интонационная природа музыки является тем стержнем, той основой, которая связывает воедино все многообразные процессы, совершающиеся в сфере средств выразительности. Они определяют два пути становления музыки: чувственно-специфический, ведущий к отображению и претворению реально звучащего, и логический, определяемый структурой музыкальной формы и действием выразительных средств.

Музыкальный язык, как и язык словесный, — продукт общества. Однако в общественном сознании, в общественной практике живут не готовые «слова» этого языка, а их типы, используя которые, композитор создает свои, неповторимые, индивидуальные интонации. Каждая из них имеет свой спектр выразительных возможностей, по-разному реализуемых в конкретных художественных произведениях.

Связи художественного языка с окружающей действительностью многообразны. С одной стороны, художественный язык базируется на художественном материале. В эстетике под ним подразумевается «материально-физическая основа художественного творчества, с помощью которой предмечивается, объективируется замысел. Это та вещественная «плоть» искусства, которая необходима художнику в процессе творчества» [4, с. 83]. В музыке таким художественным материалом является звук. Взаимодействие музыкального языка как с природным (окружающим нас звуковым миром), так и художественным материалом, обогащает язык новыми выразительными возможностями.

Другим «выходом» художественного языка в сферу окружающей действительности является его связь с художественными произведениями, которые, отражая объективную действительность, опираются на закономерности выразительных средств того или иного вида искусства. Художественный язык не может существовать без этих внешних связей. Благодаря материалу он получает свое физическое воплощение, реализуемое затем в сфере конкретных художественных произведений.

Музыкальный язык — это арсенал возможностей, находящихся в распоряжении композитора для воплощения его творческого замысла. Он шире, богаче, разнообразнее единичного произведения. Однако в сравнении с «живым» контекстом музыкального произведения он носит обобщенный характер. Это обобщенное значение вырабатывается в результате художественной практики. «Художественная фигура, выразительные жесты, речевые обороты, приемы риторического воздействия, формулы кадансового замыкания и т. д., возникающие в живой художественной практике, осаждаются в сознании как самостоятельные значимости, как абстрактные элементы всякой художественной речи, любой художественной пластики, художественной формы. Эти абстрактные значимости, возникающие в живой художественной практике и творческой традиции, сами... служат материальной базой дальнейшей практики и питают жизнь традиции» [2, с. 92].

Однако рассмотрение связи двух категорий только как перехода художественного языка в форму выявляет лишь одну из сторон процесса их взаимодействия. В. И. Ленин писал: «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переливаются одно в другое, без которого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать

ими» (Маркс) требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимоперехода» [1, т. 29, с. 306].

Этот взаимопереход категорий наблюдается в сфере взаимодействия художественного языка и художественной формы. Не только элементы языка переходят в форму, но и элементы художественной формы переходят в язык. Наиболее часто исполняемые, получившие признание произведения постепенно закрепляются в составе интонационного словаря, становятся общезначимыми интонациями (в широком смысле слова). Интонации этих произведений, функционируя на уровне языка, обретают обобщенный, типический смысл.

Интересным примером такого взаимоперехода может служить III часть Сонаты для альта и фортепиано Д. Шостаковича. Финал сонаты — один из примеров ярчайших философских *adagio* Шостаковича, воплощающих гуманистический пафос его творчества, в котором глубоко личные и субъективные переживания автора возвышаются до уровня общезначимого и общечеловеческого. Композитор, посвящая свое произведение памяти великого Бетховена, с самого начала обусловил взаимопроникновение субъективного и объективного, лирического и философского начал. Их взаимосвязи в идейно-эмоциональном строе произведения получают свое «материальное обоснование» в интонационных процессах музыки. Сопрежение двух основных пластов — речитативного склада «авторских высказываний» и эпизодов, вызывающих яркие ассоциации с музыкальным содержанием «Лунной сонаты» Бетховена, — составляет основной драматургический стержень финала сонаты.

Не используя буквально тематический материал «Лунной сонаты» Бетховена, композитор создает своеобразный образ-отражение, близкий философскому образу бетховенской музыки. Это глубоко личностное и одновременно философское произведение стало своеобразным символом бетховенского в музыке, которое, соприкоснувшись с музой Шостаковича, возвысило образ Альтовой сонаты до вершин общечеловеческих и гуманистических идеалов. Сквозная драматургия финала обусловила постоянное взаимодействие двух идейно-образных и, соответственно, интонационных пластов.

Интонационные процессы в финале Альтовой сонаты Шостаковича ярко иллюстрируют возможности функционирования элементов конкретной художественной формы на уровне языка, где они выступают как типические и обобщенные, становясь исходным моментом для новых художественных открытий.

Данная тенденция получила очень широкое распространение. Кроме пути «переинтонирования», есть и другие способы достижения ассоциативного эффекта (активизации ассоциативного механизма восприятия). Одним из таких примеров является цитирование, или коллаж, сущность которого заключается в использовании тематического материала из произведения дру-

гого композитора, фольклора. Коллаж используется как прием, способный порождать ассоциативные связи, сближать образ прошлого с современным, придавать последнему идейно-эмоциональную конкретность. Используя коллаж, композитору удается направить слушательское восприятие в нужное русло, создать приближающий к пониманию авторского замысла образ.

Однако, в качестве цитаты может быть использован не всякий материал. Это должны быть интонации, темы, отрывки из произведений, обладающие необходимой степенью ассоциативного воздействия, которые узнаются и запоминаются слушателями и могут вызывать ассоциативные связи. Эти темы функционируют в сфере интонационного словаря, приобретая со временем свойства общепонимаемости. При отсутствии этих условий цитата воспринята не будет и потеряет свой смысл. В музыке мы встречаем много примеров цитирования (например, в балете Р. Щедрина «Анна Каренина», XV Симфонии Д. Шостаковича и др.).

Коллаж и «переинтонирование» — лишь два возможных пути «обратной» связи художественной формы и художественного языка. Этот процесс осуществляется непрерывно, способствуя накоплению новых фондов в художественном языке.

В произведениях изобразительного искусства, литературы, кино можно встретить самые различные виды цитат — от простого воспроизведения фрагмента до весьма тонких отсылок, доступных только очень подготовленным слушателям и зрителям. Однако «та или иная отсылка, — пишет чешский эстетик С. Шабоук, — необходимое условие цитации. Она дает возможность воспринимающему актуализировать переживание цитируемого произведения, содержанием которого он некогда овладел. А поскольку переживание этого произведения актуализируется в связи с непосредственно воспринимаемым произведением (тем, в котором содержится цитата), то это позволяет и более раннему произведению принимать участие в процессе комплексного художественного познания объективной действительности человеческого бытия» [6, с. 161]. Приводя различные примеры цитат (в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» начальные строки — цитата из Оссиана, в «Евгении Онегине» — цитата из «Гамлета», в картине Э. Мане «Завтра на траве» — из гравюры Раймонди «Суд Париса» и др.), автор отмечает, что при различных способах цитирования эти произведения как бы «призваны в свидетели».

«Активность сферы их значений и содержания явно включается в активность сферы значений и содержания произведений, авторы которых стали инициаторами синтеза и наоборот» [6, с. 162—163]. Именно этот момент особенно существен для понимания цитирования. При восприятии произведений, содержащих в себе элементы содержательного синтеза, значительно

активизируется деятельность слушателя или зрителя, воспринимающего это произведение. Сопоставление в одном произведении различных эпох, стилей (благодаря ассоциативной способности искусства) пробуждает в субъекте восприятия творческую способность, стремление глубже осознать и проникнуть в сущность окружающей действительности. Искусство воздействует на эстетическое сознание личности, развивает творческие способности людей во многом благодаря содержательному синтезу, осуществляемому при помощи элементов художественного языка.

Рассмотрение жизни художественных произведений в комплексе художественных традиций помогает выявить роль «обратной связи», роль влияния не только ранее созданных произведений на последующие, но и современных произведений на восприятие классического наследия. Этот процесс позволяет глубоко осознать и понять новый спектр значений, потенциально заложенных в каждом произведении искусства, и может быть воспринят слушателем, читателем, зрителем.

«Диалог» художников прошлого и настоящего обогащает искусство новыми открытиями, в которых прошлое призвано быть свидетелем, участником и созидателем настоящего и будущего.

Таким образом, в художественном произведении мы видим диалектику художественного языка и формы: с одной стороны, язык служит основой художественной формы и существует в ней как общее в единичном, с другой стороны, элементы формы переходят в художественный язык, становясь основой новых произведений искусства. Включение в этот процесс слушателя или зрителя формирует и развивает его творческую способность, значительно обогащает эстетическое сознание личности.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 132—250. 2. Адамян А. Статьи об искусстве. — М.: Госмузиздат, 1961.—432 с. 3. Асафьев Б. Избранные труды: В 5 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1952—1957. 4. Волкова Е. Произведения искусства — предмет эстетического анализа. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 255 с. 5. Сохор А. Вопросы социологии и эстетики музыки. — Л.: Сов. композитор, 1981, вып. 2. — 284 с. 6. Шабоук С. Искусство—система—отражение: пер. с чешск. — М.: Прогресс. 1976. — 224 с.

Поступила в редколлегию 18.01.82.

СОДЕРЖАНИЕ

Дидорчук Л. С. Методологические проблемы исследования структуры общественных отношений в свете решений XXVI съезда КПСС	3
Пятин Ю. П. XXVI съезд КПСС о формировании нового человека	7
Межов П. Е. XXVI съезд КПСС и тенденции развития инженерно-технической интеллигенции	11
Минина Л. Ф. XXVI съезд КПСС и вопросы политической культуры развитого социализма	16
Булгаков А. К. О соотношении фундаментальных, прикладных и технических наук	19
Бусел П. И. XXVI съезд КПСС о формировании потребности личности в труде	25
Мамалуй А. А., Золотарева Ю. И. Союз творческой мысли и творческого труда	30
Дениско Л. Н., Сметанин А. С. О сущности социалистической личности	36
Максименко Ю. Ф. О природе и специфике самосознания	40
Штанько В. И. Некоторые методологические проблемы исследований в области искусственного интеллекта в свете решений XXVI съезда КПСС	47
Иванищенко А. А., Носко Г. В. О диалектике объективного и субъективного уровней взаимосвязи философского и конкретного познания на раннем этапе творчества К. Маркса	53
Букреев В. В., Шкода В. В. Мнимый историзм «исторической» школы (К критике эволюционных концепций в «философии науки»)	61
Храброва И. А. Некоторые аспекты теоретико-методологических основ эстетического воспитания	65
Кореневская В. Н., Кожанчиков В. М. О специфике проявления нравственных отношений в семье	71
Плахотный А. Ф., Русанов А. М. Кризис социальной ответственности в буржуазных концепциях «качества жизни»	75
Тягло А. В., Цехмистро И. З. К критике «научного материализма» (Об одной форме фальсификации материалистической философии)	81
Головин А. И. Производственные функции математики в обществе развитого социализма	88
Корниенко Е. В. Диалектика взаимосвязи языка и формы в художественном произведении и развитие эстетического сознания личности	97

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 233

**XXVI съезд КПСС и актуальные вопросы
марксистско-ленинской философии**

**Редактор С. В. Кузенко
Художественный редактор В. Б. Мартыняк
Технический редактор Г. П. Александрова
Корректор Л. А. Федоренко**

Сдано в набор 5.11.81. Подп. в печать 26.08.82. БЦ 09329.
Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать.
6,5 печ. л., 6,75 кр.-отт., 7,2 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд.
№ 1028. Зак. 453. Цена 1 р.

Издательство при Харьковском государственном униаерситете
издательского объединения «Вища школа». 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16. 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16